

УДК 82-1/19

СРАЖАЮЩАЯСЯ ЛИТЕРАТУРА

Т.И. ИВАНОВА, А.С. КОЗЛОВ

Исследуются специфика художественной литературы в отражении социальной реальности и ее воздействие на ценностные ориентиры защитников Отечества в Великой Отечественной войне. Рассмотрены произведения писателей и поэтов, основной темой которых была Великая Отечественная война. Обосновано положение о том, что особая ценность литературных произведений о войне не только в их достоверности, но и в выяснении сути социальных явлений, корни которых в истории. Определены художественные средства, с помощью которых литературные произведения оказывают влияние на сознание личности.

Ключевые слова: духовное производство, духовное потребление, художественное творчество, война, отечество, любовь, ненависть, добро и зло.

Когда наш народ верил и провозглашал: «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», свершались великие трудовые и ратные подвиги. Когда вера угасала, появлялись, да и появляются сейчас, очернители российской истории, выдающихся свершений страны как на войне, так и в мирные будни. Но наш народ силен тем, что крепко держит в своей коллективной памяти взлеты наибольшей силы и славы.

Особое место в нашей памяти занимает Великая Отечественная война, победа в ней, предопределившая дальнейший ход истории. В её достижении сказались многие факторы: политический, экономический, духовный, единство фронта и тыла, народа и армии, героизм защитников Отечества... В формирование духовных сил воюющей армии великий вклад внесла и литература. Этот вклад значим, но подзабыт, поэтому и представляет собой научный и практический интерес, как и сама специфика отражения литературной социальной реальности и ее воздействия на духовный мир личности.

История общества свидетельствует: человеческая мысль не создает нечто из ничего – она обусловлена объективностью бытия. Акт творчества – это открытие нового в сущем, познание мира и самопознание человека. В процессе художественного творчества осуществляется духовное производство. Если материальное производство создает необходимые для жизнедеятельности людей предметы, то духовное производство создает духовные ценности. От него зависит духовное потребление, духовное общение, образ жизни. Представляется важным в общих чертах выяснить схожесть и различие художественного и научного отражения жизни. Без этого трудно понять суть процесса духовного производства.

Общее, существенное выступает в действительности как закономерное, что является основой науки, отражающей общее в абстрактной форме законов и категорий. Специфическим предметом отражения литературы является не весь мир вообще, а прежде всего и главным образом духовный мир человека, его отношение к действительности и к другим людям. По своему эти объекты отражает и наука, но она отвлекается от единичного, внешнего, познает сущность, вооружает нас знанием общего. Однако в реальной жизни люди имеют дело не с сущностью, не с общим, взятым в чистом виде, а с миром конкретных единичных явлений. Даже друг с другом люди взаимодействуют в первую очередь не своими сущностями, а различными внешними сторонами, через которые проявляется их сущность.

Одного научного познания жизни недостаточно: без художественного отражения картина мира многозначных человеческих отношений оставалась бы неполной. Более того, всякие свершения действительности нуждаются в подтверждении и закреплении своей подлинности.

Общество можно рассматривать как абстракцию. Его нельзя представить адекватно без выяснения личностной сферы человеческого бытия: духовного мира, способа жизнедеятельности, потребностей и влечений, личностного выбора, степени удовлетворенности людей результата-

ми своих действий. Еще Плутарх обратил внимание на то, что важны не вообще исторические сведения, а факты, служащие для понимания нравственной стороны человека и его характера, что «не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов» [1, с. 214, 395].

С другой стороны, очевидна необходимость выявления сущности взаимодействия социальных структур и жизнедеятельности индивидов, относительной самостоятельности личностного бытия, что проявляется в том, что в одинаковых условиях люди ведут неодинаковый образ жизни. Отсюда вытекает необходимость описания многообразия конкретного жизненного поведения и самоощущения индивидов и социальных общностей. Нельзя получить целостную картину общества без исследования наиболее типичных форм реализации существующих отношений. Решение этой задачи не под силу одним только социальным наукам. Результаты познания социальной реальности в литературе закрепляются не в абстрактных понятиях, законах, а посредством раскрытия общего в единичном. В индивидуальном проявляются свойства, объединяющие многих людей, художественный образ фиксирует лишь устойчивые признаки в конкретной социальной среде, в данных обстоятельствах, в делах и судьбах определенных личностей. В результате личность как бы укрупняется, обретает социальный смысл, выходящий за пределы описываемой в произведении ситуации. Так литература находит свою форму познания, сливая общее и единичное, определяя факт-тенденцию. Гете, стремясь распознать в единичном «следы» к целому, его включенность в закономерность, связывал все со всем. А отсюда и его парадоксы: «Что такое общее? Единичный случай. Что такое частное? Миллионы случаев» [2, с. 385].

У больших писателей их произведения всегда социально детерминированы, являются отражением социальных явлений и потребностей, наукой еще зачастую «не замеченных». Для читателей при восприятии произведений художественной литературы мир неожиданно предстает знакомым незнакомцем. Личность удивляется и познает. Р. Гамзатов справедливо заметил: «Но разве тот поэт, кто не открывает людям никакой тайны, то есть того, что они до него не знали? Я, поэт, приходя в мир, приоткрываю завесу с пространства и времени точно так же, как жених откидывает покрывало с лица невесты. Только поэт способен сделать это в жизни, и люди признают действительность и удивляются ей, и удивляются тому, чего не видели раньше: красоте мира или красоте человеческой души, которые противостоят силам зла» [3, с. 87].

В свете этого вряд ли правомерен вопрос: что больше дает познанию – наука или литература? Их специфика не носит абсолютного характера – идет совокупный поиск истины. Этого не понимает голый рационализм, с арифметической точностью соотносящий затраченные усилия с ближайшими результатами. Литература входит в жизнь человека, когда он еще не только не умеет читать, но и хорошо ходить. Литература позволяет познавать мир непрерывно: до школы, в школе и дома, свой литературный багаж студент приносит в вуз, солдат в армию, и мало кто с ней расстанется потом, находясь в иных ипостасях. Она социализирует эмоционально, увлекательно, плодотворно.

По мысли Аристотеля, история говорит о том, что было, а искусство – о том, что будет. Но можно утверждать, что история, литература и искусство выступают и как сообщающиеся сосуды, исследуют различные социальные грани, формируют суждения, остерегают от ошибок когда-то кем-то допущенных, предостерегают от новых, утверждают добро и красоту, справедливость, развенчивают зло и подлость. И все это через возможность каждой личности прожить при восприятии жизни персонажей не только в наше время, но и в прошлом, и в будущем, и в разных социальных условиях, и ситуациях межличностного взаимодействия.

Личность, как и общество в целом, не существует вне истории. В наши дни Россия снова оказалась в ситуации, в которой неусвоенные уроки прошлых времен могут повернуть доминанту социальных изменений на разрушение ожидаемого будущего. В этой связи представляет-

ся актуальным обращением к тому, как средствами художественного творчества формировались патриотические чувства, готовность и способность к защите Отечества в предвоенные и военные годы.

Еще задолго до начала Великой Отечественной войны В. Маяковским было определено: «Но землю, которую завоевал и полуживую вынянчил, где с пулею встань, а с винтовкой ложись, где с каплей льнешься с массами, – с такою землею пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть». Это был набатный призыв, который предопределил великую миссию многонациональной литературы в деле формирования духовной готовности к защите Родины. Миллионы советских людей нравственно выросли на героических образах произведений М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, Н. Островского, А. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Фадеева, А. Гайдара. Примечательны слова последнего о том, что пусть когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили красноречивую крепкую гвардию.

Писатели духовно готовили такую гвардию. В их книгах отражалось тревожное предвоенное время, трудовой и оборонный подвиг народа. Перед войной сформировалась большая плеяда молодых писателей, раскрывших образ своего поколения, готового к схватке с фашизмом. Это тогда своим сверстникам С. Гудзенко предсказал: «Мы не от старости умрем», а М. Кульчицкий в 1939 г. писал: «Наперевес с железом сизым и я на проволоку пойду». Поэтесса Ю. Друнина потом заявит, что это светловолосая девушка в походной шинели, отчаянный легендарный комдив Чапаев, неистовый и суровый Павел Корчагин привели ее поколение в 1941 г. в райкомы и военкоматы.

Литература много сделала для подготовки морального духа народа к войне, и она продолжала это делать в годы войны. Призывное слово литераторов звучало с полос газет, в песнях, книгах, плакатах, окнах ТАСС. И оно находило самый живой отклик в сердцах бойцов. Солдаты и офицеры как живительной силы для своего духа ждали произведений о Родине А. Толстого, И. Эренбурга, К. Симонова, А. Твардовского, М. Шолохова, которые славили высшую красоту – защиту Отечества.

Именно тогда А. Толстой опубликовал пронзительные строки: «Гнездо наше, родина, возобладала над всеми нашими чувствами. И всё, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, не замечали, не ценили, как пахнущий ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, – пронзительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка – все это наше родное, и мы, живущие в это лихолетье, – хранители и сторожа родины нашей» [6, с. 183].

О силе воздействия произведений А. Толстого на чувства и сознание воинов свидетельствуют многочисленные письма, приходившие с фронта по адресу: Москва, Алексею Толстому. Вот слова одного из них: «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами, совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но она так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников: его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим фашистов» [6, с. 22].

Самые любимые произведения писателей воины носили с собой, заучивали наизусть, переписывали в письмах. Особенно популярна была лирика. Объясняется это тем, что в ней мысль не просто образна, она еще и выражается в сравнениях неожиданных, которые запоминаются и еще долго будоражат человеческую душу. На войне она сделалась человечнее, меньше прежнего чуралась интимного. Большой оптимистической верой было проникнуто стихотворение К. Симонова «Жди меня». Оно было о любви, которая тоже была призвана поэтом на военную службу. Социальное и интимное сливались в едином мироощущении, а вера в любимых умножала силы воинов в фронтовых буднях.

Большой популярностью на войне пользовалась и поэзия мирных дней. Поэт С. Наровчатов так писал об этом: «Наповал действовал Есенин, народность его я до конца понял именно в го-

ды войны. Правда, многое зависело от социального состава слушателей. Армия была в основном крестьянской... И есененские пейзажи, щемящая сердце лирика, обращенная к деревенским воспоминаниям, среди недавних пахарей всегда вызывала слезы на глазах. Но путиловским рабочим... с более резкой силой воспринимался Маяковский» [8].

Справедливая война рождала красоту мужества и дружбы. В этом помогала и литература. У С. Наровчатова есть воспоминание о том, как он интересовался у пленного фашиста: знает ли он Шиллера, Гете и Гейне? «Не знал, балбес такой. Я ему процитировал по-немецки «Горные вершины». Не слышал? Да ведь это же Иоганн Вольфганг... Бойцы заинтересовались. Я им прочел лермонтовское переложение: «Горные вершины спят во тьме ночной...». Солдаты удовлетворенно заулыбались: А мы-то своего Пушкина знаем» [8].

Это было наше сверхоружие, часть советского морального превосходства. Те, кто растоптал Гете и Шиллера, кто сжег книги Гейне, обрекли себя на поражение еще задолго до войны, лишив себя на поражение еще задолго до войны, лишив себя человеческого и став слабее человека. В. Максимов по этому поводу определил: «И пока черные танкисты Гудериана, украшенные черепами, на европейский лад горланили что-то свое залихватски-опереточное, — мы пели о синем платочке и о землянке, о Васе-Василечике и о соловьях... На войне рядом с реактивной «катюшей» также безотказно работали лирическая «Катюша» Исаковского» [9, с. 232].

На войне не только умирают, но и живут, и личность слагалась не из боя единого — она готовилась к другим сражениям, набиралась сил, крепчала духом. Чаще всего именно в такое время оказывались рядом рассказы, повести, стихи... Это был особый «боезапас». Немецкий историк А. Верт не раз обращается к выяснению роли литературы в жизни сражающегося советского народа не потому, что его интересовало литературное дело, а потому, что это оказалось существенным для хода и исхода войны. Он писал: «Россия также, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей, а таких поэтов, как Симонов и Сурков читал во время войны каждый» [10, с. 299].

В современной войне военные кадры немыслимы без развитого мышления. В боевой обстановке, где все разительно изменчиво, динамично, скоротечно, поиск верного решения командирами сопряжен с множеством неизвестных, с необходимостью домысливать отсутствующие звенья в обстановке с помощью воображения, интуиции, совершения мысленного эксперимента, соединения разрозненных элементов в функционирующее целое. Но может ли помочь выработке таких качеств литература?

В 1942 г. на страницах газеты «Правда» была опубликована пьеса А. Корнейчука «Фронт», в которой резко осуждались военачальники, не сумевшие перестроить свое мышление применительно к новым способам и формам вооруженной борьбы, и пытались решать судьбу современного боя лихой кавалерийской атакой на танковые армии врага. Маршал Советского Союза А. М. Василевский констатировал: «Пьеса «Фронт» имела колоссальный общественный резонанс... Проблема, в ней затронутая, волновала всех, но более всего нас, командный состав воюющей армии. В художественной форме анализировался конфликт устаревших представлений о ведении войны с утверждавшим себя на полях боя новым полководческим мастерством.

Вопрос стоял так: либо воюй по-новому, либо ты будешь смят. Эта была суровая школа переучивания. Надо было решительно отказаться от устаревших, не оправдавших себя способов ведения войны, требовались: творчество, мудрость и гибкость... Публикацию «Фронта» в газете некоторые встретили как посягательство на авторитет командующих. Я знаю, в ставку шли телеграммы с требованием немедленно прекратить «вредную публикацию». Но важный процесс обновления набирал силу» [11].

Новые формы и способы ведения вооруженной борьбы были найдены. Фашистов стали, например, ошеломлять разведка боем с перерастанием в наступление, действия «особых эшелонов», артиллерийские налеты вместо длительной артиллерийской подготовки, дерзкие действия в ночных условиях, в лесу, на болотах, при форсировании водных преград с ходу.

Разумеется, литература сама непосредственно не выигрывала тяжелых сражений, но, материализуясь в подъеме боевого духа, воли защитников Отечества, она проявила себя великой силой. В романе К. Симонова «Последнее лето» Ильин говорит Синцову: «Всего немного ты не успел к красивому бою». И сказано так, зная, что Синцов поймет, какой смысл вложен в этот эпитет. Красивый – значит достигнута высшая цель боя – разгром противника. Красивый – значит исполнено как задумано, приняты просчитанные решения, каких потребовала обстановка. Красивый бой – это красота цели, разумность действий, величие подвига. А это и является высшим удовлетворением в выполнении воинского долга по защите своей Родины.

Пример прямого воздействия литературы на бойцов описал П. Крюченюк [12]. Батальон, понесший большие потери в боях, окруженный фашистами, потерял боевой дух. Казалось, что растрacены все силы для его спасения. Политрук Хорошилов, посланный командиром бригады с задачей вывести батальон из окружения, собрал ночью людей. Что им сказать? Решение пришло неожиданно. Политрук стал читать стихи В. Маяковского. Да так, что бойцы взмолились: «Веди нас, комсорг, мы пойдем!». Бойцы ночью ударили в тыл противнику, наделали панику, разгромили два фашистских штаба, захватили пленных, ценные трофеи, продвинулись вперед и заняли высоту на юго-западе Малгобека.

– А здорово организовал ты атаку, комсорг! Как настоящий полководец, поздравляю, – радовался командир бригады.

– Я не один, товарищ полковник, мы вместе с Владимиром Маяковским.

Литература показывала, как война поднимала выше духом слабых, учила мужеству и стойкости в борьбе с врагом. Но каждая победа «оплачивалась» кровью, но количество жертв зависело от многих условий, объективных и субъективных, некоторые из которых можно было предугадать, учесть в принимаемых решениях и действиях. Много об этом думает герой трилогии К. Симонова генерал Серпилин. «Что значит беречь людей? – размышляет он. – Ведь их не построишь в колонну и не уведешь с фронта туда, где не стреляют... Беречь людей на войне – всего-навсего значит не подвергать их бессмысленной опасности, без колебаний бросая навстречу опасности необходимой» [4, с. 10]. В беседе со Сталиным он находит мужество сказать ему о методах, приводящих к бесцельным и неоправданным жертвам.

Воспитывая любовь к людям, литература страстно выступала за неприятие зла, за ненависть к врагу. В годы войны лучшие произведения от повести «Наука ненависти» М. Шолохова до стихотворения К. Симонова «Убей его» и публицистических статей И. Эренбурга звали к уничтожению врага, вели в бой, убеждали в том, что правое дело восторжествует. Это была сражающаяся литература. В годы войны созывались специальные заседания Военных Советов армий для «заслушивания» произведений того или иного поэта, а некоторые стихи вызывали такой взрыв ярости во вражеском стане, что о них говорилось в специальных секретных приказах по фашистской армии, некоторые наши писатели заочно приговаривались к смерти [5, с. 30]

К ненависти звала вся литература, но она не была самоцелью, не перерастала в жестокость, а была отвержением фашистской нечисти, любви к Родине. «Мы – гуманисты» – провозгласила В. Инбер в поэме «Пулковский меридиан». То же убеждение в стихах М. Светлова: «Я стреляю – и нет справедливости справедливее пули моей».

Воссоздав жестокий мир битв и сражений, литература развеяла представления «святой наивности», с которым фронтовики возвращались с войны, уверенные в том, что они так много истребили зла, что его больше не осталось. Об этом писал В. Астафьев в книге «Великий поклон». Силы реакции и милитаризма возродились. Стали выходить такие произведения, как «Письмо в тридцатый век» Р. Рождественского о том, что опять надо писать «как в двадцатом веке – строгое, притихшее человечество глядит в лицо войны». Как призыв к бдительности прозвучало предупреждение Б. Брехта: «Фашизм еще не умер. Торжествовать пока не надо. Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада» [7, с. 185]. Как оценка прошлого и взгляд в будущее был воспринят и не потерял актуальности «Памятник солдату Алеше в Плов-

диве» Р. Рождественского с призывом каждому задуматься над вопросом: «Той ли жизнью живу, за которую он перестал жить?».

О войне писали не только в годы войны и не только то поколение писателей, которое стали называть старшим. Их ряды пополнялись теми, которые воевали и не думали писать книги. Это от их имени С. Гудзенко потом заключил: «Когда идешь в снегу по пояс, о битве не готовишь повесть». Но повести писались, как писались стихи и романы. Пафос достоверности, убеждающей правды каждого слова, каждого поступка, утверждение личности, ее значимости в событиях войны, на долгие годы определил как важнейшее идейно-нравственное искание литературы, воссоздающей духовную биографию героического поколения.

Но особая ценность литературных произведений о войне не только в их достоверности, но и в выяснении сути социальных явлений, корни которых в истории. В этом отношении отчетливо проявилось раскрытие проблем личности, особенно ее нравственной составляющей в романах Ю. Бондарева, И. Стаднюка, В. Распутина и многих других писателей. Они писали не только о героическом, но и об уроках ненависти и доброты. Это в ту пору известный педагог В.А. Сухомлинский писал: «Кое-кто считает, что поскольку в наше время человека нужно воспитывать сильным, волевым, готовым ко всему, то не следует говорить о доброте, сердечности, чуткости. Это глубокая ошибка. Да, наше важнейшее воспитательное задание – утвердить в душе нашего гражданина непримиримость к врагам Отчизны, готовность к единоборству с тем, кто посягает на ее свободу и независимость. Но уроки благородной ненависти недоступны тому, кто не знает уроков доброты, сердечности, чуткости. Потому что мужество – это высшая человеческая доброта, а ненависть к врагу – настоящая человечность» [13, с. 225]. Наша этика давно установила: добро воспитывается добром. Надо только добавить: справедливым добром, так как добро бывает и злым.

Мы рассмотрели некоторые типичные факты воздействия литературных произведений на воинов. Это процесс духовного потребления – это процесс удовлетворения потребностей, в результате которого духовные ценности, созданные в духовном производстве, становятся достоянием духовного мира людей, а будучи усвоенными – определенными качествами личности. Но что включает в себя данный процесс? Конспективно выделим его существенные моменты. Литература выступает как средство познания, она ускоряет познавательную практику, делает освоенным масштабные картины человеческого бытия. Восприятие её информации сопряженно с переживаниями, оно создает «раскованность» сознания, сталкивает мысль с проторенных путей, включает в систему новых, ранее неосознанных связей действительности, ставит на определенную жизненную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. М., 1963. Т. II. 520 с.
2. Гете. *Избранные философские произведения*. М., 1964. 434 с.
3. Гамзатов Р. Мой Дагестан // *Роман-газета*. 1968. № 14. 124 с.
4. Симонов К. *Солдатами не рождаются*. М.: Советский писатель, 1972. 432 с.
5. Бялик Б. *Подвиг советской литературы*. М., 1970. 120 с.
6. Толстой А. *Публицистика*. М.: Советская Россия. 1975. 320 с.
7. Пермс Ж. Память о войне и долг писателя // *Иностранная литература*. 1976. № 8.
8. Наровчатов С. Поэт на фронте // *Литературная газета*. 1974. 8 мая.
9. Максимов М. Мы начинали в июле // *Армия и литература*. М.: Воениздат, 1971. С 42-54.
10. Верт А. *Россия в войне 1941-1945*. М.: Прогресс, 1967. 240 с.
11. Командная точка войны. Беседа с Маршалом А. М. Василевским // *Комсомольская правда*. 1974. 30 апреля.
12. Крученюк П. Маяковский идет в атаку // *Красная звезда*. 1969. 21 февраля.
13. Сухомлинский В.А. *О воспитании*. М., 1973. 246 с.
14. Шагалов А.А. *Уроки ответственности: Литературно-критический очерк*. М.: Воениздат, 1986. 246 с.
15. Выготский Л.С. *Психология искусства*. М.: Наука, 1967. 324 с.
16. Козлов А.С. *Духовная жизнь общества*. М.: ММСИ, 1993. 214 с.

THE FIGHTING LITERATURE

Ivanova T.I., Kozlov A.S.

The specificity of fiction in the reflection of social reality and her affecting the valued reference-points of defenders of Homeland in Great Patriotic war are investigated. Works of poets whose basic theme was Great patriotic war are considered. Position is reasonable that the special value of literary works about war not only in their authenticity but also in finding out the essence of the social phenomena roots in history. Artistic facilities by means of that literature works have influence on consciousness are defined.

Keywords: spiritual production, spiritual consumption, art creativity, war, fatherland, love, hatred, good and evil.

REFERENCES

1. **Plutarh.** *Sravnitelnyie jizneopisaniya*. M. 1963. T. II. 520 p. (In Russian).
2. **Gete.** *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. M. 1964. 434 p. (In Russian).
3. **Gamzatov Rasul.** *Moj Dagestan. Roman-gazeta*. 1968. № 14. 124 p. (In Russian).
4. **Simonov K.** *Soldatami ne rojdayutsya*. M.: Sovetskiy pisatel. 1972. 432 p. (In Russian).
5. **Byalik B.** *Podvig sovetskoy literatury*. M. 1970. 120 p. (In Russian).
6. **Tolstoy A.** *Publitsistika*. M.: Sovetskaya Rossiya. 1975. 320 p. (In Russian).
7. **Perms J.** *Pamyat' o vojne i dolg pisatelya. Inostrannaya literatura*. 1976. № 8. (In Russian).
8. **Narovchatov S.** *Pojet na fronte. Literaturnaya gazeta*. 1974. 8 maya. (In Russian).
9. **Maksimov M.** *My nachinali v ijule. Armiya i literatura*. M.: Voenizdat. 1971. Pp. 42-54. (In Russian).
10. **Vert A.** *Rossiya v vojne 1941-1945*. M.: Progress. 1967. 240 p. (In Russian).
11. *Komandnaja tochka vojny. Beseda s Marshalom A.M. Vasilevskim. Komsomol'skaya Pravda*. 1974. 30 aprelya. (In Russian).
12. **Kruchenyuk P.** *Majakovskij idet v ataku. Krasnaya Zvezda*. 1969. 21 fevralya. (In Russian).
13. **Sukhomlinskij V.A.** *O vospitani*. M. 1973. 246 p. (In Russian).
14. **Shagalov A.A.** *Uroki otvetstvennosti: Literaturno-kriticheskij ocherk*. M.: Voenizdat. 1986. 246 p. (In Russian).
15. **Vygotskij L.S.** *Psikhologiya iskusstva*. M.: Nauka. 1967. 324 p. (In Russian).
16. **Kozlov A.S.** *Dukhovnaya zhizn' obshchestva*. M.: MMSI. 1993. 214 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Иванова Тамара Ивановна, окончила ИрГПИ (1973), действительный член (академик) Международной педагогической академии преподаватель русского языка и литературы школы «Президент», автор 8 научных работ, область научных интересов – художественная литература как средство нравственного воспитания молодежи.

Козлов Александр Степанович, 1935 г.р., окончил Одесское военное училище (1956), Военно-политическую академию (1969), профессор, кандидат философских наук, действительный член (академик) Международной педагогической академии, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 190 научных работ, область научных интересов – социология личности, духовная жизнь общества, художественное творчество.